

Попытки перевернуть историю, исказить её, подогнать под свои амбиции были всегда. Сейчас, в связи с событиями на Украине, тема эта приобретает новую остроту. Нагло и самоуверенно поднимают голову нацисты и неонацисты разных мастей. Очень велико их стремление обелить фашизм и сделать героями убийц. Поэтому своевременным и важным полагаю сейчас обсуждение материалов Нюрнбергского процесса – первого в мировой практике суда над военными преступниками.

Я не преследую цели научных изысканий, дополнений, а тем более открытий. Я лишь хочу поделиться своими впечатлениями от знакомства с документами, воспоминаниями и фильмами об историческом явлении, имя которому – Нюрнбергский процесс. Первая моя встреча с ним состоялась в 1969 году благодаря книге Бориса Полевого «В конце концов». Написанная в форме дневников, она поразила моё подростковое воображение. *Такого* о войне я не слышал и не читал. Одно дело – атаки, бои, героическая оборона, освобождение или взятие городов, и совсем другое – методичное, расчётливое, хладнокровно-целенаправленное истребление сотен тысяч мирных жителей. Самое страшное во всём этом – «научное обоснование» такой необходимости.

«Нюрнбергские дневники», исполненные художественной эмоциональности, включают в себя не только оценочное описание судей и подсудимых, не только изложение протокольных речей и документальных свидетельств, но и чисто человеческое, эмоциональное восприятие всего того, что он видел и слышал – как в зале суда, так и за его пределами.

Практически все факты бесчеловечного обращения с человеком в той или иной интерпретации можно легко найти в различных исследованиях, посвящённых этому международному разбирательству. Но есть и такие свидетельства, которых мне более нигде встречать не доводилось. И свидетельства эти столь чудовищно-реальны, что привели в ужас не только судей, но и самих подсудимых. Это были не документы и даже не кинокадры – это была материальная, зримая, осязаемая демонстрация того, в какие извращённо-горячечные формы воплощена бредовая теория арийского превосходства, маниакальное стремление сформировать нацию «сверхчеловеков». Здесь для большей убедительности и наглядности я позволю себе вставить фрагмент из «Дневников».

«На столе, под стеклянным колпаком, на изящной мраморной подставке была человеческая голова. Да, именно человеческая голова, непонятным образом сокращённая до размера большого кулака, с длинными, зачёсанными назад волосами. Оказывается, голова эта была своего рода украшением, безделушкой, которые “изготавливали” какие-то изуверские умельцы в концлагере, а потом начальник этого лагеря дарил эти “безделушки” в качестве сувениров знатным посетителям.

Приглянувшегося посетителю или посетительнице заключённого убивали, потом каким-то способом через шею извлекали остатки раздробленных костей и мозг, соответственно обрабатывали, и съевшуюся голову снова набивали, превращая в чучело, в статуэтку».

Не считаю возможным хоть как-то это комментировать: нет необходимости. Равно и следующий фрагмент, который сам к себе комментарий.

«Но оказывается, что это ещё не всё, что в запасе обвинения есть новые и новые ужасающие улики. Такие улики мы видели сегодня. Суду была предъявлена серия кустарных изделий из человеческой кожи. Оказывается, жена начальника одной из фабрик смерти тяготела к искусству. Она решила создать единственную в мире коллекцию татуировок. Да, да, татуировок, которые иные люди делают себе, накалывая под кожу сажу, синьку или фуксин. Этим особенно увлекаются моряки. В портовых городах есть специальные заведения, где самые затейливые татуировки делаются по рисункам художников и представляют собой своего рода творчество.

Так вот эта нацистская фрау, которая слыла женщиной набожной, хорошей матерью и добродетельной супругой, собирала эти татуировки. Разумеется, вместе с кожей. Когда появлялся в лагере заключённый с татуировкой, ей немедленно об этом сообщали. Глазом знатока она оценивала изображение. Если оно ей нравилось, человека умерщвляли, свежесвали, вырезали кусок кожи с нанесённым на неё рисунком, вымачивали в жиру, а потом выдвельвали по какому-то специальному способу. Лучшие оригинальные экземпляры шли в коллекцию фрау. Из тех, что попроще, выдвельвались абажуры, настольные бювары, сумочки и всякая галантерея. Несколько толстых альбомов с образцами татуированной кожи из коллекции этой женщины были сегодня представлены суду. Показывались также абажуры и бювары, которые эта дама дарила как сувениры высокопоставленным знакомым и жёнам начальников».

При знакомстве с каждым новым документом и доказательством, любого из которых вполне хватило бы для вынесения самого сурового приговора, не доступным человеческому разуму, непостижимым в своей циничности представляется отрицание подсудимыми своей вины. Ганс Михаэль Франк, генерал-губернатор Польши – один из немногих, кто вину свою признал. Мне не удалось найти имён остальных «немногих». Но едва ли это важно: во всех материалах, которые довелось мне просмотреть, подчёркивается, что **не раскаялся ни один**. Да хоть бы и раскаялся – никому и ничему это бы не помогло и ничего бы не изменило.

В первые дни процесса **все** подсудимые выглядели как самые обычные люди, ни на одном из них не было видимого дьявольского клейма. Да и вели они себя на заседаниях пристойно-учтиво. За исключением Геринга и Гесса.

Первый с самого начала демонстрировал надменное высокомерие, полное пренебрежение к суду и к недавним своим соучастникам по разбою. До начала процесса корреспонденты виднейших американских и западноевропейских газет брали у него интервью. И столь велики были самоуверенность его и гордыня, что на вопрос, считает ли он себя военным преступником, Геринг не просто дал отрицательный ответ, он с этакой барской вальяжностью бросил – совершенно мимоходом – реплику: «Я даже не понимаю, как я мог в этих списках оказаться». Сказано это было без удивления и вообще без каких-либо эмоций. Это явно должно было показать как несерьёзность вопроса, так и неразумность задавшего этот вопрос.

Гесс прилежно симулировал амнезию, психическое расстройство и старательно изображал полнейшее безразличие ко всему происходящему. Он не надевал наушников, он не слушал выступавших – он подчёркнуто читал принесённую с собой книгу. Искусственность этого равнодушия была видна всем. Она красноречиво свидетельствовала о том, насколько озабочен Гесс исходом процесса и своей судьбой.

Но с каждым новым днём, с каждой новой уликой эти маски как размокшая папиросная бумага сползали с лиц подсудимых. И с какою же беспощадной неприглядностью обнажалась их отвратительно-жалкая суть!

Много нового и поучительного в Нюрнбергском процессе. И – прежде всего – его уникальность. Много на нём было впервые – и с юридических, и с технических позиций. Это первый в истории международный суд, ставший основой Гаагского трибунала. Это первое столкновение различных судебных систем. Это первый синхронный перевод. Это первое с 1917 года сотрудничество России советской и России царской: княгиня Трубецкая напряжённо и плодотворно работала в группе советских переводчиков. Попутно отмечу, что в американской группе было 600 переводчиков, а в нашей – 40. При том же объёме работы. И ведь справлялись! Разумеется, как во всём, что делается впервые, неизбежны разногласия, недоработки и взаимное недопонимание. И обилие неясностей, и даже наличие парадоксов. Один из них явился участникам ещё до начала процесса: в ходе судебного следствия предстояло доказать не только вину подсудимых, но и самый факт преступления. Так, неоднознач-

ным стал вопрос о том, является ли преступлением война. Чуть не договорились до того, что «нет, не является». А раз нет преступления, то, разумеется, нет и преступников. Кого же тогда и за что судить? Юридически вроде некого и не за что. Фактически – вот они, преступники, налицо: наглые, самодовольные, уверенные в безнаказанности. Ведь у каждого свой адвокат. Казалось бы, ну какие адвокаты могут быть у этих изуверов, этих выродков, этой нечисти! Ан нет – положено. Коль скоро есть суд, то должен быть и адвокат. Несмотря на то что всё во мне бунтует и кипит уже при одном упоминании ненавистных имён, я вынужден был согласиться с аргументом американского судьи: «Международный суд не должен превратиться в месть».

И были 218 дней разбирательства. И были опрошены 236 свидетелей. И было изучено 5 330 документов. И протокол Трибунала составил 25 тысяч страниц. И суд состоялся. И не скатился до мести. И были определены разные сроки заключения – включая пожизненное. И были вынесены 12 смертных приговоров. Казнь состоялась утром 16 октября 1946 года – в спортзале. Потом этот зал «использовался для разных целей». Одно время была там и пекарня. Вот уж действительно – «пекарня на костях».

Ни американцы, ни англичане, ни французы не пылали любовью ни к Советскому Союзу, ни к его политическому строю. И всё же, несмотря на разногласия, на суде они делали общее дело: судили «коричневую чуму». Значит, для них она была много страшней и опасней, чем «красная зараза». И ни разу не возникло сомнений относительно того, **кто** начал Вторую мировую войну.

Почему же сегодня всё упорнее и всё охотнее распускаются и подхватываются небылицы о нападении СССР на Германию и Украину? Уж не потому ли, что слухами этими так удобно прикрывать, а вернее, оправдывать собственные теперешние преступления? Да и не только преступления, но и полнейшее невежество. Ведь любой, кто хотя бы поверхностно знаком с материалами Трибунала, не станет позориться, изрекая подобные нелепицы. А вот Яценюк опозориться не боится: ему куда как важнее таким заявлением оправдать человеконенавистническую политику Порошенко и ему подобных. Не случайно же Порошенко и Саакашвили так безошибочно нашли друг друга. Вот бы кого на скамью подсудимых в Нюрнберг! Но почему же молчит Европа и бездействует Гаага? Почему по Риге совершенно легально маршируют эсэсовцы, а на Украине открыто резвятся бандеровцы? А причины, вероятно, лежат на поверхности: ничем не обоснованный страх перед нашей страной и бессильная ненависть к нам – ненависть за свой же собственный страх. А ведь у страха, как известно, глаза велики. Особенно – у страха придуманного. И чем больше европейские наши соседи ему поддаются, тем необузданнее и воспалённее их псевдоисторическая фантазия.